

ВЛАДИМИР МАКАРЧЕНКО

ПРИЧУДЫ БАБЬЕГО ЦАРСТВА

ФЭНТЕЗИ

Владимир Макарченко

Причуды бабьего царства. фэнтези

«Издательские решения»

Макарченко В.

Причуды бабьего царства. фэнтези / В. Макарченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747592-5

Уважаемый читатель! Все, о чем вы узнаете из предлагаемого вашему вниманию текста — не есть плод моего воображения, богато сдобренный желанием изобразить для вас картину чьей-то жизни. Все, что будет изложено здесь, есть простая копия случайно оказавшихся в моих руках записей человека по имени Борис, с которым я даже совершенно не был знаком.

ISBN 978-5-44-747592-5

© Макарченко В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Один. Совсем один	7
Глава 2. Жить хочешь?	10
Глава 3. Бунт	13
Глава 4. С чего начать?	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Причуды бабьего царства фэнтези

Владимир Макаренко

© Владимир Макаренко, 2016

ISBN 978-5-4474-7592-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Уважаемый читатель! Все, о чем вы узнаете из предлагаемого вашему вниманию текста – не есть плод моего воображения, богато сдобренный желанием изобразить для вас картину чьей-то жизни. Все, что будет изложено здесь, есть простая копия случайно оказавшихся в моих руках записей человека по имени Борис, с которым я даже совершенно не был знаком. Я не могу даже утверждать, что события имели место, или наоборот отрицать все описанное, как результат чьего-то вымысла. Я могу только передать на ваш суд полный текст этой своей находки, не изменяя в ней ничего, вплоть до точек и запятых.

Записи эти были обнаружены мной случайно, когда офис нашей фирмы прирос за счет приобретенного помещения, которое ранее занималось другими владельцами. Как довел до нас главный менеджер, фирма эта обанкротилась. Устойчивый запах духов ударил мне в нос, когда я ступил за порог нового помещения, указывая на то, что ранее здесь работал женский коллектив. Мое внимание привлекла дверь ведущая в помещение, которое двумя своими стенами выдавалось в общий холл, имея на одной из них маленькое оконце. «Очевидно – кладовая». – Пришла мне в голову мысль. И я вошел вовнутрь этой полутемной комнаты. На стареньком письменном столе располагался компьютер, очевидно забытый прежними хозяевами или оставленный ими за ненадобностью. Экран дисплея светился, словно тот, кто работал за компьютером, отлучился от него на короткое время. Как только я присел за стол и дважды нажал левую кнопку мыши, призывая компьютер к контакту со мной, как на весь экран дисплея засветилась надпись: «Прочти все, что тут есть! Это очень важно! Расскажи людям о том, что произошло со мной и моим добрым товарищем Семеном, в том неведомом краю, куда забросил нас неожиданный поворот судьбы! Сам я уже не смогу возвратиться. Да это мне и не нужно...»

Я выполнил просьбу неизвестного мне автора. Записав все на «флэшку», я знакомился с текстом вечерами после работы и понял, что действительно должен ознакомить с ним и вас. Потому и выставил на всеобщее обозрение.

С глубоким уважением, В. М.!

Глава 1. Один. Совсем один

Так уже получилось, что в женское, не разбавленное мужским присутствием, абсолютное большинство этого коллектива не смогли подобрать на должность программиста себе подобную. Выбор пал на меня в силу необходимости, из-за тиснутого мной в газету объявления об острой нужде в трудоустройстве. Сначала начальница решала вопрос: куда бы засунуть эту особь противоположного пола, дабы она не ущемляла своим присутствием их право на различные женские выкрутасы. Выкрутасы эти могут быть выставлены на обозрение только тем, на кого пал выбор индивидуального контакта, который относится к категории интимных отношений. Все вакансии на означенные выше контакты, как мне подумалось, были уже заполнены вне нашего офиса. Проявив явное равнодушие к моему спортивному телосложению и достаточно приятной внешности, украшенной модной бородкой с тонкими усами, эти офисные амазонки убрали меня с глаз долой, усадив в отдельном кабинете, который явно был ранее какой-то кладовой, поскольку из освещения имел только люминесцентную лампу у потолка. В районе этой лампы, прямо под потолком отливало холодом стекла небольшое подобие окна, выходящее явно в соседнее помещение.

Когда госпожа Королева, ласково поддерживая меня под локоть своими длинными пальцами, сообщила дамам нашего офиса, что я стал членом их дружного коллектива, ей в ответ не прозвучало ни звука, только кожа на моем лице раскалилась под взглядами моих новых сослуживцев так, словно на нее случайно плеснули свежее сваренным кофе. Мне подумалось, что я впервые в жизни засмутился до такой степени от контакта с группой фотомоделей, подобных которым ранее мог обозревать только в журналах для мужчин и на экране телевизора.

– Борис Петрович любезно согласился обеспечивать нам полный порядок во всей нашей электронике. Прошу любить и жаловать... – Произнесла Королева. И после ее слов кожа на моем лице чуть не воспламенилась. Только тут я понял, что не мое смущение, а взгляды моих новых коллег так больно травмируют не совсем нежную кожу. – Если у кого-то возникнут вопросы по работе техники, Борис Петрович всегда придет к вам на выручку. Верно ли я говорю?

– Без сомнения! – Откликнулся я. – Это входит в мои должностные обязанности, за исполнение которых мне и назначена оплата моего труда.

– Думаю, при хорошей работе, если от сотрудниц не будет нареканий, Вы можете рассчитывать и на некоторые дополнительные бонусы. – Заверила меня Королева.

– Постараюсь, чтобы нареканий не было. – Ответил я.

– Вы уж постарайтесь! – Бросила мне Королева. – И не забывайте, что у нас чисто женский коллектив. Блюдите, как говорится, нормы морали. А то Ваш предшественник...

Она не успела договорить, что произошло с моим предшественником и, прижав к уху звонивший телефон, быстро покинула большой кабинет, в котором трудилось с десятком моих новых коллег, и прошла в свой, персональный.

Как только дверь за начальницей захлопнулась, красавицы ожили и даже стали задавать вопросы. Им было интересно знать, откуда я пришел, какой коллектив был там, женат ли я, имеются ли у меня дети, как я отношусь к красивым женщинам, употребляю ли алкоголя содержащее и каких товарных знаков. Были и иные вопросы. Но особую реакцию вызвало то, что я оказался холостым. Стало видно оживление в зале после оглашения этих сведений. Или мне просто показалось.

– Все по рабочим местам! – Резко оборвала оживление Королева. – Вас, Борис Петрович, я провожу на Ваше рабочее место. И постарайтесь впредь без надобности в этот зал не входить.

Вновь длинные пальцы охватили мой локоть. Я был увлечен в то самое помещение, которое стало моим служебным кабинетом. Пропуская Королеву внутрь помещения, я вынужден был прижаться плотно к стене, чтобы она могла свободно пройти к столу. Но и эта моя попытка не уберегла меня от соприкосновения с ее пышной грудью, которую она гордо носила, как выражение своего наибольшего достоинства. Я невольно вздрогнул.

– В тесноте, как говорится, да не в обиде! – С улыбкой успокоила меня Королева и указала рукой, что я должен занять свое место за столом. – Еще раз желаю успехов в работе.

Она оперлась ладонями о крышку стола, отчего то, что совсем недавно упиралось мне в грудь, рванулось на свободу, предъявляя моему взгляду всю свою привлекательность. Хорошо, что декольте не было больше и все осталось на своих прежних местах.

– Не буду Вас больше отвлекать. – Заявила Королева и, покачивая полушариями бедер, шагнула за дверь. – Хотя, иногда, отвлекать придется...

Что, она имела в виду, произнося последнюю фразу, я и не пытался осмыслить. Мало ли что.

Сидение в кабинете мне быстро наскучило и я, решив воспользоваться своей невостребованностью, полез в компьютер в поисках интересной игры, чтобы хоть как-то убить время. Все было знакомо. Сплошные бегалки-стрелялки. А хотелось чего-то такого, где можно было бы проявить эрудицию и построить свой собственный мир. И вот... в моем чате появилась какая-то ссылка, которую я ни у кого не запрашивал. Под ней был короткий текст: «Это то, что вы ищете, Борис!» Что за чертовщина?! Кто мог знать, чего мне хочется в данный момент? Или я в точности повторяю путь своего предшественника? Словно прочитав мои мысли, кто-то прислал второй текст: «Чего же вы? Кликните!» Любопытство мое опередило мнение рассудка и повелело правой руке нажать на правую же клавишу мышки. На какое-то время экран засиял всеми цветами радуги, вызвав у меня беспокойство о пойманном «Трояне», который активно взялся за разрушение программы. Такие вещи иногда подсовывают для чрезмерно любопытных. Но вот экран дисплея успокоился, и моим глазам открылась картина прекрасной долины, которую наискось пересекала широкая голубая линия медленно текущей реки. Противоположный от меня берег реки густо порос деревьями разных пород, образовавшими собой лес, который плотной стеной подошел к самому берегу. С неба светило яркое полуденное солнце. Птицы пели свои радостные песни, являвшие собой гимн Великому Светилу. От реки тянуло приятной прохладой. Щеки нежно ласкал легкий ветерок. Берег на котором я стоял... Да! Я стоял на берегу той самой реки, которую принял ранее за картинку на дисплее. Мои босые ноги ощущали под собой мягкую поросль травы. Одет я был почему-то не в свою «джинсуру», а в белую рубаху, перехваченную по талии толстой бичевой, полы которой закрывали колени. Из-под рубахи выглядывали белые же штаны, доходившие мне до щиколоток. В руке у меня был зажат какой-то незнакомый предмет, напоминавший мне посох, изображаемый в телевизионных фильмах из серии фэнтези, как обязательный атрибут странников и магов. Магом я точно не был! Да и в странствие на босу ногу в одеянии, напомнившем мне подобие нижнего белья в царской армии, я вовсе не пускался. Другой рукой я придерживал ляжку от висящего на плече мешочка с какими-то предметами внутри. Глянув на свое отражение в воде, я вдруг обнаружил, что, вдобавок ко всему, еще и не брит, и не пострижен. Волосы густыми лохмами лежали на моей голове, а на лице обозначились усы и борода, правда, довольно таки тщедушенькие.

Что это? Какая-то шутка с применением гипноза? Молодые леди нашего офиса таким путем развлекаются с новичком? А куда же смотрит госпожа Королева? Неужто, она тоже развлекается со своими подчиненными? Только не похоже на то, что она может такое допустить...

– Ты откуда такой объявился? Что за зверь такой? Не видывала таких ранее. – Над кромкой берегового обрыва появилась русая головка с устремленными на меня полными удивления

ярко-голубыми глазами. Казалось, что глаза эти были частью протекавшей реки, так точно они отражали цвет ее воды.

– Не зверь я вовсе. Человек, как и ты. – Ответил я девчужке. – Не видала таких досель?

– Уж не мужик ли?

– Он и есть!

– У нас тебе не можно! Тута мужикам делать нече! Тута бабье царство. Коли девки-стражницы скрутют, то...

Девочка не успела договорить, что может произойти тогда, когда меня «скрутют». Вере-вочная петля со свистом обвила мои предплечья и туго притянула их к телу, лишив возможно-сти двигаться. Вторая петля перехватила мои колена. Рывком веревки я был опрокинут навз-ничь в траву. Из-за ближайших кустов выбежали четыре фигуры в полном воинском облачении и с мечами на поясах. Только длинные косы, свисавшие из-под шлемов-шишаков, указывали на то, что воины те бабьего полу.

Одна из воительниц, приставив острый конец меча к моей груди, строго спросила:

– Откудава взялся тута? Али не памятен тебе стговор королевы нашей с боярами окруж-ными, о неприкасаемости земель наших?! За то жизнь и положишь, что с памятью не дружишь!

Дополнительно скрутив мне руки и ослабив натяжение петли на ногах, меня заставили идти по указываемому маршруту, легонько потыкивая в спину мечами, чтобы не забывал, чем может дело кончиться. Девчужка плелась следом за нами, отступив на десяток шагов.

– Сами-то кто такие? Пояснили бы уж. – Обратился я к той, которую посчитал за старшую в этом конвое.

– А тебе не ведомо? Чего в дурня рядишься? Земля наша оттого зовется Бабьей, что нету тута жизни мужикам завовсе! – Грозно ответила воительница. – Чего явился то? Мовет быть и взаправду дурень? Королеве нашей предьявлен будешь. Она суд вершит. Были случаи, что и не лишала жизни. Мовет, тебе, дурню, везение выпадет.

Пока стражница отвечала на мой вопрос мы пересекли участок долины поросший при-брежным кустарником. На другой стороне нас встретили еще две воительницы. Недалеко в сто-роне паслось несколько стреноженных лошадей с уздечками, но без седел. Видать, не знали еще седел в королевстве бабьем.

– Мовет так случиться, что повезет тебе ныне. – Объявила моя собеседница. – Живым останешься. И еще королева наша скидку тебе сделает. Жизни лишать не станет, а к бабам приравняет. Ха-ха-ха!

– Не здешний я. Из краев дальних. Заплутал. Сам не знаю, как забрел сюда. За что же жизни лишать? В то же время у меня вопрос возник: сами-то как на свет объявились, коли тут никогда мужик не ступал? – Поинтересовался я.

– Видать, что не здешний. Ступает тут нога мужика. Только один раз в году. На праздник Заринки-роженицы. Те девки, которые справно дела свои вели и милость от королевы заслу-жили уходят на пять дней на Родовую поляну. Тута королева мужиков с окружных боярств заывает. Сама отбор ведет. Две сотни – девок. Две сотни – мужиков молодых. Пять дён тама они остаются. Девкам запрещено отказ давать прихотям их. Потом их разводят, в разны сто-роны. Оттого и прибыль в селениях детворой. Коли девочка родится – уважение и почет матери ее. Коли мальчонка, то забирают его у матери и отвозят на продажу в села ближайшие. Тако живем. Чтобы зуб на нас у окрестных мужиков не целился, подписан был стговор особый, по которому нарушитель границ наших, ежели мужиком живет, взят под стражу должен быть немедленно.

Она и одна ее подруга легко вскочили на лошадей, поставив меня меж ними и держа с двух сторон за веревки, повели туда, где виделись четкие очертания аккуратно беленых доми-ков.

Глава 2. Жить хочешь?

Когда меня ввели в большой дом, отличавшийся от остальных только своими размерами и явили пред ясны очи правительницы, я замер от неожиданности... На меня с улыбкой на лице смотрела моя новая начальница по моей другой жизни – мадам Королева.

– Как занесло тебя мужичина в землю нашу? – Неожиданно строго спросила она. Даже ногой притопнула.

– А, заплутал, видать. – Отвечал я вздрогнув от неожиданности, так как обозрение знакомого лица немного меня расслабило. – Края не знакомы. Бреду невесть откуда. За сколь дней впервой людей встретил. (Если, конечно, баба считалась по тем временам за человека! Всяко могло быть. Может, ляпнул зазря?).

– А откуда бредешь, гость ты наш незваный? – Продолжила допрос близнец Королевой.

– Из града Энского.

– И сколько в пути? – Хитро прищурилась.

– Месяц два раза рога являл.

– Куды ж нацелился? – Язвительность в голосе все четче прорезалась.

– Куды кривая выведет. – Ответил я.

– Без цели и умыслу?

– Без.

– А почто так? – Королева толкнула в бок стоявшую рядом девку-воина. – А ты все на бересту царапай. Стодится когда.

– Изгнан был из места насиженного. Невесть, за что. Вроде, так и провинности большой не вершил. Видать, наклепал кто боярину нашему напраслину какую. Изгнан с одной сумой на плечах. Поскольку сирота с малства, то и взгрустнуть по тому случаю никому не довелось. И в дорогу собрать... Так и побрел, куда глаза смотрели. – Сам не замечая того, перешел я на местный говор, забыв о своем высшем в другой жизни образовании.

– Про землю нашу ранее не слыхивал? – Поинтересовалась королева.

– Не доводилось. Видать, славушка еще не дошла до наших краев.

– То-то и ладно. Кабы не так, приказала бы вершить суд скорый. Вздернули бы тебя на первой осине. А так... Оставлю тебе жисть твою. Может и не к радости вовсе. – Она снова повернулась к девке-воину. – Определите его в погреб на окраине. Стражу при нем поставьте. Подумаю, куда его приладить. Что умеешь-то, мужичок?

– Много могу. Токо, не ведаю, что у вас работать придется, а потому пока похвалиться не буду. – Отвечал я.

– Посиди пока на дармовых харчах. Мы подумаем, куда тебя приладить! – Королева махнула рукой и стража уволокла меня на околицу селения, столкнув в глубокий погреб и бросив мне вдогонку пару волчьих шкур для согрева.

Четыре дня отсиживался и отлеживался я в погребе, встречаясь с солнечным светом только в те минуты, когда выносил бадейку для опораживания, служившую мне в погребе отхожим местом. Кабы мужики были рядом, так справлял бы нужду свою снаружи, а так пришлось терпеть дурной запах собственных отходов.

– Вылазь! – Прозвучало сверху на пятый день. – Помойся у колодца да чистое надень. К королеве идем.

Мне было выдано обычное бабье платье взамен отобранных у меня рубахи с портками. Единственное, что оставили из одежды, так это бечеву для опояски. Пришлось смириться с таким нарядом. Попробуй тут поспорь, когда еще не решен вопрос о продолжительности жизни твоей.

– Нашли мы тебе применение, мужик! – Объявила мне королева. – Будешь на кузне молотом стучать. Хотя, вроде и не бабье дело железо ковать, а приходится нашенским воротить эту работу. Вот такая польза от тебя взята будет. Чтобы не убег и не натворил чего непотребного, при кузне и жить будешь под запором и под приглядом. Понял?!

– Как не понять... А пригляд... куды ж бежать мне, когда краев ваши вовсе не ведаю? Дел грязных в голову не брал.

– Пока не брал! – Оборвала меня королева. – А когда девки перед глазами титьками за пазухой пошуршат да задами перед носом повертят, всякие мысли заглянуть могут. Лучшее, когда наперед надежда есть, что не поддашься соблазну. Быть так! Уведите!

Кузня была большой и оборудованной по всем давнишним нормам кузнечного дела. За кузнеца-молотобойца тут была баба на полголовы выше меня ростом с мощным телом. Видать махание молотом сильно накачало ее мышцы, которые непривычно для женского тела, как я его обычно зрел ранее, перекачивались под кожей тугими буграми.

– Передам тебе тут науку свою, да и поеду в Темляки к матушке своей в помощь. Заодно там кузнию налажу. Чего всем в одно место тащиться. Больно вовремя тебя словили, мужик. Коли бы ранее словили, то о другом подумать могла! – Хитро подмигнула мне. – А ныне только об этом...

Неделька где-то прошла, как явилась в кузнию сама королева.

– Покажь, как ладится дело твое, кузнец. Толков ли в обучении? – Строго велела она, жестом указав всем остальным оставить помещение.

– Чего не показать? Гляди!

Я бросил на наковальню раскаленный кусок железа и несколькими ударами обратил его в ровную по толщине полосу, годную дляковки меча.

– Вижу. Не дарма харч проедал! Хорош в ученье! Решила я в гости тебя позвать. На вечернюю посиделку. Послушаю байки твои о местах, в которых до того жил. Может, что интерес вызовет. Заодно и вкусишь хлеба со стола моего. Наградой тебе то за успехи твои станет. Может еще в чем надобность в тебе явится. – При этих словах королева подошла ко мне вплотную и, прижав свои тугие груди к груди моей, запустила руку под подол моего платья. – Вижу. Крепок мужичок! Будет и иная надобность в тебе. Доводилось ли когда с королевой в опочивальню хаживать? А ныне доведется! Только рот свой запримановсем. Иначе головы не сносить!

Она сделала пару шагов назад, становясь на прежнее место, и хлопнула несколько раз в ладоши. Тут же в кузнию вбежали ее охранницы.

– Вечер привести ко мне кузнеца. Одеть в чистое, чтобы духом потным от него не несло. Хочу потолковать с ним о местах его родных.

Едва солнце начало набегать к горизонту, когда за мной явились четверо стражниц.

– Изначально в баню заглянешь. Там и одежда свежая твоя. Потом к королеве сведем. – Заявила старшая. – Ступай с нами.

Лицо этой стражницы было точной копией лица сотрудницы офиса Королевой, которая очень интересовалась моим семейным положением. Кстати сказать, она и приглянулась мне тогда, в период нашего знакомства, более остальных.

– Как кличут-то тебя, воительница? – Поинтересовался я, когда девушка зашагала рядом.

– Яркой обозвали. – Тихо, чтобы не привлекать внимание идущих позади, ответила она.

– В бане-то одному мыться придется? Али как?

– А как еще вздумалось? – Щеки у девицы слегка зарумянились.

– Там, откуда дошел досель, обычно парно баню принимают. Удобнее друг друга вениками охаживать. Больше приятного получаешь. А когда сам себя хлещешь дух совсем иной.

– Где я тебе для услад твоих другого мужика возьму?

– Зачем же мужика, коли не сыскать такого? Может сама веничком помашешь? Очень тебе благодарен буду.

– Еще чего?!

– Боле ничего не надобно. Коли бы не к королеве идти, то можно было бы и задержаться по иным делам. А тут, под приглядом подруг твоих, никак. Хлестанешь веником с десятков раз да и все. Выручай! Будь ласка!

– Я же одежонку промочу... – Смутилась девица.

– Коли вниз лицом на полог устроюсь, то и без одежки войти можешь. Как же я тебя зреть-то буду?

– Стыдоба... О чем толкуешь?

– Посидела бы в погребе да на кузне, поглядел бы тогда, какая у тебя охота от грязи освободиться была. – Настаивал я. – Подсоби. Когда и я добром отплачу.

– Ладно уж... Только слово дай, что все так, как сказано будет!

– Даю. – Твердо пообещал я. – Ты мне добро и я тебе.

Баня была натоплена заранее. Все в ней было ладно. Только мыла вовсе не было. Не придумали его еще в тех краях. Вместо него какую-то глину белую положили. Когда я разместился на пологе, как и обещал, то постучал условным стуком. Враз от двери донесся шепот:

– Пора уже?

С этими словами через порог ступила сказочная фея. Обнаженное тело девицы было словно выточено по самым требовательным меркам красоты.

– Не подглядывашь? – Спросила она начиная хлестать меня веником.

– Нет. – Соврал я заранее предусмотрев себе позицию в которой я мог исподволь взирать на представшую передо мной красоту.

Веник несколько раз прошелся по моему телу прикрытому заранее парой других веников в том месте, которое могло вызывать смущение девицы. Затем нежные руки массируя мне спину, случайно разрушили вениковое укрытия и, коротко взвизгнув, девица вылетела из парилки в сени. Я же, со стоном сожаления от невозможности хотя бы обнять это нежное тело, вскочил с полати и окатил себя холодной водой.

– Выхожу! – Крикнул в сторону двери и, заслышав стук наружной, вы шел в сени, чтобы утереться полотенцем и облачиться... в ту одежду, в которой и явился сюда. Только уже чистую.

Ужин с королевой был недолог. Не за тем видать и приглашен был.

– Жить хочешь? – Спросила меня властительница бабьих земель.

– А кто не хочет? – Вопросом на вопрос ответил я.

– Тогда живи так, как я велю! И молчи обо всем! Понял?! Будем с тобой... иногда... как мужик с бабой... соскучилась я больно по мужику...

Глава 3. Бунт

День за днем вносили изменения в мою скучную и однообразную жизнь кузнеца-любownika. А началось все с того, что Ярка при очередной помывке в бане потребовала:

– А сделай со мной то, что вы с королевой в ее почивальне творите. Или не любя совсем тебе, кузнец?

– Люба! Еще как любя! – Заверил я ее.

– Про то ведаю. Сама твой срам охочий подглядела в шелку. Мне наши бабы, которых на поляну Родовую посылали, сказывали, как и отчего. Хочу на себе проверить каково с мужиком-то...

– А коль дознается кто, да и шепнет королеве? Не жить ведь ни мне, ни тебе. – Остановивал ее я.

– Плевать! Королева в своем повелении всех баб в один ряд поставила. Отчего же сама из него выбилась?

– На то и королева! – Заявил я.

– А что толку от велений ее? Народу у нас все меньше и меньше. Пока соседние бояре равнодушные к нам держат, можно считать себя отдельным королевством. А коли захотят овладеть таким лакомым куском? И земли, что надо. И девок с бабами до мужских ласок охочих много сотен. Кого супротив поставим? Таскают девки наши на себе железа. Мужиков из себя корчат. Делаем воинским обучаются. И что? Настоящее войско навалится, долго ли сопротивляться будут? А может и зараз в плен пойдут, чтобы детишек нарожать, очаг теплый с мужиком здоровым иметь. Есть уже разговоры такие. Любая искорка сухую траву в пламя бросает. А наши травы душевные давно уж позасохли. Не долго их разжигать. Говори однако: будешь моим мужиком, или нет?

Куда деваться было? Согласился. Когда уже надобно было одеваться, Ярка плеснула мне на ноги ковш кипящей воды. От неожиданности взвыл я волком. Хорошо сама одеться успела, не то вбежавшие девки узрели бы то, что тут без них вершилось.

– Что такое?! – Громко спросила Ярка, словно не ее рукой ошпарен был. А сама глядит мне в глаза.

– Ковш с кипятком случаем на себя опрокинул! – Ответил я, поочередно прыгая то на одной ноге, то на другой. – Чего уставились? Воды холодной дайте!

Девки, позабыв про стыд, с тревогой смотрели на пляшущего перед ними и стонущего от боли голого мужика. Впервой ведь такое довелось. Одна Ярка метнулась к бочонку с водой и стала поливать обожженные места холодной струей.

– Оденься ужю. Бабы вокруг. – Кинула Ярка мне мою одежонку. – Вертаемся в кузню. Я там твои ноги салом гусиным намажу. Поможет. А вы что вылупились? Хотите, чтобы королева дозналась? Знаете, что будет? Промолчу ужю. Да и вы язык за зубами держите. Вам же хуже. Горюня, беги в дом королевы. Сказывай, не придет ныне кузнец. Ошпаренный он.

Одна из девиц тут же сорвалась с места и во всю прыть побежала к дому королевы.

– Не видать ей больше тебя. Мой будешь! Сбегу с тобой в земли чужие. Там дом свой заведем. Детей тебе нарожаю. С нами еще несколько девок убегут. Ладно? Их тоже там куда пристроим. Лечи раны свои. А мы пока изготовим все.

Только не пришлось нам с Яркой бежать оттуда. Все иначе обернулось. Слух о том, что королева мужика себе в противовес другим бабам завела, быстро расплозся по всем селениям. Те, кому довелось через Родовую поляну пройти да детишками обзавестись, больше не держали обета молчания, как требовало того повеление королевское, под которое клятву давали. А как винить их за то, когда владычица сама от этого повеления в сторону шагнула. Конечно же, рассказы баб, тоскующих по происходившему с ними ранее, распалили вождедения непорочных

девок и баб, особенно тех, кого на поляну не пустили ни разу. Пока королева вызывала меня вечерами в утеху себе, по королевству ее уже пополз злой дух бунта бабьего. Вооружившись, кто чем мог, поддерживаемые девками-воинами, они съехались и сошлись в стольное поселение злой шумной толпой.

Утро того дня запомнится всем жительницам королевства (при наличии меня, как единственного на всю землю мужика). Кордоны, защищавшие королевство от вторжения посторонних (особливо мужиков) из прилегающих территорий несли свою службу вдоль границы и никак не могли повлиять на происходящее. Те девки-воины, которые оставались при королеве, наполовину уже были переагитированы в пользу возмущенных баб моей ненаглядной Яркой с ее подружками. Потому, когда толпа хлынула разными улочками к дому королевы, противостоять ей было некому. Правда, личная охрана, стала кругом у дома да копыя выставила. Только от этой горстки страху в толпе не появилось.

– Выходи, злодейка! Ответ держи! Вече людское тебя слушать будет! – Орала из шумевшей толпы голоса раззадоренных баб. – Сладко живешь, корова ненасытная!

В сравнении королевы с коровой злобные бабы явно перегнули. За это я отвечаю! Не глядя на то, что возраст королевы перевалил за три с половиной десятка лет, была она стройна и привлекательна, как юная девица. Видать челядь ее знала какие-то особые зелья, которые не давали ей стареть.

– Одного мужика попользовала, теперь другого завела! Тот врачевал ее утехами плотскими! Второй кузнецом прикидывается! А мы тут только и ждем, когда нас в сотни счастливиц зачислят. Скоро и повымрем все без мужиков! Бабка ее такое сочинила, когда нас из земли родной увела от беспредела мужицкого! Хватит! Натерпелись! Пора кончать с таким королевством! Долой королеву!

С последними словами бабы из передних рядов, отодвинув в сторонку не пытавшихся сопротивляться охранниц, ворвались в дом королевы и выволокли ее оттуда за распущенные волосы волоком. При этом щедро одаряли тело ее тумачами и пинками. Мне было искренне жаль эту женщину. Но я безмолвно стоял рядом с Яркой и ее подругами, мысленно желая себе, чтобы и со мной не произошло подобного.

Тут кто-то прокричал из толпы:

– Ярка где прячется?! Пушай выходит к народу! Ее слушать хотим!

По всему стало видно, что утеху души моей все это время не сидела, сложа руки. Видать, большую ложку дегтя плеснула она в бочку королевского меда. Правда, дегтя я в этом королевстве не наблюдал пока. Может, его еще и не изобрели его в ту пору.

– Чего услышать желаете, бабы?! – Откликнулась Ярка, выбравшись на свободное место у входа в дом и вскочив на пододвинутый ей чурбан.

– Как далее будем жисть свою чинить?! Говори! – Кричали из толпы.

– А чего?! И скажу! – Отвечала им Ярка. – Королеву боле не трогать! Дать ей харча на несколько дней, лошадку выделить, да и проводить к границе, куда сама пожелает! Ветер попутный ей в спину! А нам ломать надобно все то, что бабка ее напридумывала! Ишь ты! Бабье королевство! Где тако видано?! Опреж всего боярина своего посадить над собой надобно! Мужицкого роду! Ему с соседними боярами дальше дела строить!

– Верно! Точно! Мужика на боярство! – Дружно поддержала толпа. – Давай кузнеца! Он – человек пришлый, как и наши мамки с бабками когда-то, потому здешними заразами не заражен и будет блюсти интерес наш, коли доверим! Ежели неладное что задумает, мы ему быстро башку снесем! Тащи его к себе! Пушай говорит

Меня тут же подхватили две Яркины подруги и протащили сквозь толпу, поставив рядом с ней.

– Говори что-нибудь. – Шепнула мне Ярка. – Не молчи.

– Бабы! Народ! – Начал я без подготовки. – В тех землях, откуда забрел я к вам, все совсем по-иному налажено! Бабы у очагов домашних суетятся, пищу готовят, детишек растят и холют! Под каждой крышей мужик свой имеется! Для чего?! А к тому, чтобы добытчиком был: землю пахал, охотным делом занимался, рыбалил! А заодно и бабе своей покою ночного не давал, чтобы род увеличивать да заодно и утети получать душевные!

На последние слова толпа отозвалась смешками. Видно, дошел до них смысл сказанного, хотя и не всем довелось познать, что это такое.

– Говори! Слушаем! – Подбадривала меня толпа.

– На боярстве сидеть мне не довелось. Однако, кое-кем командовать приходилось. Думаю, справлюсь с обустройством боярства ва... нашего, взамен бабьего королевства решенного. С чего начнем? Границу пока охранять бдительно от возможного вторжения врага. Однако, мужиков забредших к нам по нечаянности немедля ко мне доставлять для беседы. Потом, коли сгодится, будем по жребию вам, бабы, раздавать на жительство. Для подмоги в делах. Остальное сами решите, как и куда их пристраивать. Кроме того объявим досрочную поляну. Не сто баб и девок туда пустим, а сколь мужиков соберется. Те, кто туда попадут, пуцай женихов своих налаживают на то, чтобы с ними тута остались. В противном случае к себе не подпускать! Запрета не ложу. Токо, не желательно то для укрепления народа нашего

– А ведь верно сказывает! – Полетело из толпы. – Настоящий боярин! Пуцай таким и будет! Кто наперекор того думает, пуцай отдельно руки подымут. Будем глядеть, кого больше.

В ответ на это предложение в толпе поднялось поначалу с пару десятков рук, но по мере того, как над ними стали насмехаться остальные, руки постепенно исчезали и потом совсем исчезли.

– Решено! Боярствуй, кузнец! – Прокричала Ярка и в ответ получила одобрительные крики из толпы. – Как кличут самого?

– Борисом при рождении назвали.

– Отныне правит нами первый боярин наш! Бориской кличут! Клятву прими Борис-боярин! – Ярка опустила предо мной на колени, низко склонив голову. Следом за ней, то же проделала и толпа. – Клянемся быть верными людьми твоими! Клянемся беспрекословно выполнять волю твою!

Толпа вторила ей дружным хором.

Одна из Яркиных подруг вынесла из дому меч в дорогих ножнах с золотой рукоятью и опоясала им меня.

– Слава боярину! Слава боярину! – Прокричала в ответ толпа.

– Клянусь и я верно служить народу своему на благо его процветания и приумножения! – Я отвесил низкий поклон народу.

Глава 4. С чего начать?

Поскольку скрывать наши отношения стало незачем, мы с Яркой поселились в доме бывшей королевы, которая уже покинула границы своих взбунтовавшихся владений.

– Устроила ты мне с этим боярством сплошную боль головную. – Поругивал я Ярку, когда мы затевались обсуждать дела грядущие.

А дел было предостаточно. Лето тут не всегда тянется, хотя и не такое короткое как в наших краях. Нужно было к зиме готовиться. Вроде бы отлажено все было до меня, но теперь кое-что поменялось. С первой же поляны более сотни мужиков осели в селеньях наших. Нужно было определять их по назначению для вершения еще и дел боярства, кроме семейных забот. Тех, кому довелось уже носить оружие, определял в замену воительниц, отправляя тех домашними делами заниматься. А тут требование пришло еще поляну организовать для сватовства уже, а не для утех. К некоторым пришлым мужикам родня переселяться решилась. Дома новые строить нужно. Селения расширялись. Пахотные земли на весну готовились. Лесного зверя добыча наладилась. Мясо впрок готовилось. Шкуры и мех в дело пускались. Уже некоторые меха да рыбка вяленая в соседние земли новоявленные гости торговые повезли. Взамен оттуда зерно посевное да утварь разная привезены были. Закружилась жизнь. Времени не хватало принимать сограждан с делами их. Пришлось дворян ставить во главе поселений. А чтобы были денежки на вооружение и содержание дружины приличной, в том числе и наемниками пополненной, пришлось налог дружинный вводить, который дворянство и собирало с поселян своих да в общую казну боярскую и доставляло. Незаметно на месте поселения, в котором я боярствовал, городок возник. Заезжие мастера дома добротные выкладывая наших мужиков обучали. Мы с Яркой тоже в большой в два этажа дом переселились. Первый этаж служебным был. На втором мы втроем проживали. Сынок родился. Иваном прозвали. А городок наш Иванградом именоваться стал. Откуда-то забрели в земли наши священники. Две церквушки поставлены были поначалу. Одна – в стольном граде, который теперь, по примеру соседних, обнесен был высоким частоколом с башенками. На башенках стражники бесперебойно сутками службу несли. Вторая – в большом селе Прошкине, где теперь ярмарка организовалась. Народ научился Крестное Знамение обозначать да у икон, каких выбрал, на коленях стоя, милости себе просить там, куда приведет их кончина пути земного. Потянулся народ к вере в Бога Единого. Не в раз, явно, но и долго эту тягу не оттягивал. С других поселений на праздники приходиться стали. Дары церкви приносить взамен того, что позволит и научит у Того, Кто На Кресте Распят Был прощения да милости вымалывать себе и родным своим. Уже священники служек себе понабрали в помощь. Похоронные обряды по своему положению завели и усопших в последний путь к земному погребению сопровождали с пением молитв и со свечами. Крестами обозначались места упокоения тех, кто ждал Страшного суда. На все это гляючи, и в других селениях стали церквушки рубить, чтобы не ходить и не ездить далеко, а у себя иметь все возможности Богу о своих чаяниях с помощью вновь рукоположенных священников сообщить. Теперь у меня в стольном граде уже не просто батюшка, а епископ всея боярства всем руководил. Он и рукоположение на службу священникам осуществлял. Образовалась мастерская иконописная. Откуда-то привезли двух иконописцев, которые обучением местных дарований занимались. Стала Церковь Христова получать дары из моей казны и из доходов дворянства помимо пожертвований народа. Новые облачения где-то закупили. На византийский лад. Дом епископа рядом с моим стоит. Часто меж собой разговоры разные о делах государственных и церковных за ужином ведем. Умный мужик в епископы мне достался. Не только в церковных вопросах поднаторел, он и в политике, и в делах воинских разумел. Видать, хорошо жизнь помотала, коли так обильно сединой его голову украсила, хотя

и не очень стар. Все к добру призывает. Говорит, что за добро на земле Иисус жизнь отдал. Да еще за то, чтобы люди любили друг друга, а не лили кровь чужую, как воду.

– Чего же Бог не запретил своей волей все то, что творят ныне лихие людишки? – Задавал я ему вопрос.

– А от того, что создал нас по образу и подобию Своему. Вольными и разумными. Сами свой путь земной ложить должны. А там (он указывал пальцем в потолок) спросят, чего успел на земле наладить. Потому и к Раю Ад приложен. Добрые дела в Рай приведут. Злые – всегда в Ад. Иного им не дано. На земле мы гости только. Жизнь вечная там! – Он снова вздымал свой палец к потолку.

Нужно отметить, что с укреплением церкви на земле боярства и дисциплина стала получше. Не везде теперь кнут требовался. Страх перед Богом больше к порядку вел.

Беглым людям с чужих земель тоже в обустройстве не отказывали. Беглый народ, что семьями к нам переселился, зачастую получше местного трудился и на воинской службе отличался, не жалея живота своего. Понятно. Нахлебались горяшка по горла. А, чтобы сызнова жизнь налаживать да обустраивать, сколь затрат нужно?

Наезжали теперь более охотно и гости торговые из иных земель с товаром своим. Так пяток лет и пролетело ласточкой.

Только не всем видать соседям вокруг понравилось то, что стало боярство наше богатым и многолюдным. Потому на торговых путях стали какие-то лихие люди пошаливать. Гостей торговых губить. Из-за того торговым людям охрану увеличить пришлось, а то – расходы не малые. Прибыль от торговли уменьшалась, интерес к ней пропадал. А без внешней торговли зачахли бы мы в своем натуральном хозяйствовании. Это я еще в институте иной жизни усвоил.

Пришлось самолично поехать к одному из соседей в гости, чтобы о порядке на дорогах поговорить.

Крепость Вильня от Иванграда в двух днях пути. И, коли решил в такой путь длинный пуститься по дороге беспокойной, то взял с собой малую дружину из полсотни воинов верховых. Первый день, пока по своей земле двигались, все было ладно. Заночевали в Речном, у дворянина Борка. Заодно и о житье бытѣ местном самолично разузнал, застольничая с местными старейшинами. Второй же день напрог. Едва к полудню въехали в лес и решили перекусить в тенечке. Как прискакал один из выставленного дозора.

– Боярин! На дороге завал из деревьев поваленных. Видать, людских то дело рук! Окромя того, движение за деревьями замечено. Не один человек там. Двое дозорных наблюдение ведут, а я к тебе послан! – Доложил дозорный.

– Вона как! – Отозвался старший дружинник. – Кто-то хочет нас на засаду поймать. Разрешите, боярин, мне с десятком воинов сквозь лес ту засаду обойти. Тутешний я родом. Хорошо места эти ведаю. Зайду со спины. Гляну, что да как. Потом к тебе пришлю кого с вестью. Дозволишь?

– Делай, как задумал.

Не прошло и получаса, как явился гонец от старшего дружинника.

– Точно засаду строят. Видать не разобрались, кто к ним пожаловал. С полтора десятка разбойников. Явно – не обычный народ лесной, хотя и ряжены все под них. Чувствуется воинская выправка. Кольчуги под одежкой припрятаны. Старшой велел сказать тебе боярин, чтобы, коли на то будет воля твоя, ехали на засаду осторожно, щитами боронясь. Когда же начнут разбойники злодейство свое наши им в спину саданут. Кого-то постараются живьем взять, чтобы выведать, кто такое зло на дороге наладил.

Я отдал соответствующие распоряжения и, окруженный дружинниками с поднятыми щитами, двинулся навстречу тем, кто организовал засаду. Только приблизились к завалу, как засвистели в воздухе стрелы, летевшие вперекрест с боков дороги из-за кустов. Под двумя дружинниками пали кони. Один со стоном обхватил шею коня. Видать, стрела зацепила самого.

И тут же на нас с двух сторон выскочили разбойники с обнаженными мечами. А стрелки из укрытий пустили новые стрелы, которые вывели из строя еще двоих стонущих дружинников. Я скомандовал атаку и ринулся на тех, кто выскочил нам навстречу. Началась схватка. Стрелы из кустов более не летели, зато оттуда выскочили по пять дружинников. Они ударили с флангов по нападавшим и этим решили исход короткого сражения в нашу пользу. В живых остались трое разбойников. Двое из них стонали, корчась на земле. А третий бросал на меня злобные взгляды, будучи скрученный веревкой и сдерживаемый жесткими руками дружинников.

– Кто таков? – Спросил я его, не сходя с коня.

– Я не буду с тобой говорить, чужеземец! – Заявил плененный воин и плюнул в мою сторону. Последнее он сделал явно напрасно, так как тяжелый кулак старшего дружинника так достал его по затылку, что он уткнулся носом в дорожную пыль.

– Заговорит, боярин! Дай срок! Мы тута, в кусточках с ним потолкуем. А ты пока отдохни немного. – Проговорил старший дружинник, держа за шиворот поднявшегося из пыли грубияна.

– Боярин? – Удивился тот, почтительно склоняя голову. – Рыцарь Ульбах из Вильни. Готов ответить за свое деяние. Не ожидал такого. Поручено было убрать вражеских лазутчиков, проникших в землю нашу. Да пленного для допроса взять. А тут сам...

Он почтительно опустил на одно колено, прижав правую руку к сердцу и опустив голову.

– Готов к любому наказанию за недостойный поступок свой. Я твой пленник, боярин.

– Кто же приказ такой дал? – Поинтересовался я.

– Наш барон. Сказал, что боярство ваше сильно опасным становится. Что купцы ваши все лазутчики поголовно. Потому и дозволил нападать на них лесным разбойникам безнаказанно.

– Верно все сказываешь? – Уточнил я.

– Все, как есть. А со мной, что делать будешь?

– Ничего! Явишься ныне к дворянину Борку в Речное. Вручишь ему меч свой и будешь ожидать там моего возвращения. Слово даешь?

– Слово рыцаря! – Вскричал Ульбах. – Дозволь коня своего взять.

– Бери. В провожатые дам тебе пару дружинников. Раненого к лекарю отвезут, а заодно и коней, в бою взятых к Борку доставят и оружие побитых с их доспехами. Хоронить мы их не должны. Злодеев не хоронят. Сложите, ребяташки, вместе всех их да ветвями прикройте как-то.

Дружинники быстро исполнили то, что я просил, и разобрали завал на дороге. Наш отряд двинулся дальше.

– Очень не по чину встречает тебя земля тутошняя! – Возмутился старший дружинник. – Коли ведали, что не торговый люд едет, то зачем такую пакость нам строить? По значкам нашим видно, кого охраняем в пути. Али войны схотелось соседу нашему? Заскучал без войны! Али не ведает, как народ за тебя подымется, коли, что с тобой сотворят?

– Чем-то выгоден был соседу нашему урок сей. Может, пугнуть нас захотелось и вспять обратить. Потом бы развел руками, как достали его лихие люди на дороге этой. Еще бы и помощи в укрощении их попросил. Мол, в одиночку ничего поделывать не может. Поглядим, как выкручиваться будет. Скажем, что всех побили. Про рыцаря плененного утаим. А тебе, Соколик, как обернемся назад, повешу бляху сотника дружин. Достоин. Жизнь мне спас ныне умением и расторопностью своими! Сотником и зовись отсель.

– Благодарствуй, боярин Борис! – Сотник Соколик насколько мог низко склонил голову в седле. – Не будет у тебя слуги более верного, чем я! Уверен будь!

Вскоре за опушкой леса нарисовались впереди горизонта стены крепости Вильня. Каменные башни ее высоко задрали свои островерхие шапки, отороченные по кругу зубчатыми

оградками. Каменные же стены, высотой в несколько человеческих ростов, тоже оскалились зубьями бойниц. Приблизившись к стенам, можно было видеть, как за бойницами стоят воины в блестящих доспехах. На угловых площадках стен установлены флаги с эмблемой рода барона Гранта. На белых двухвостых полотнищах четко вырисовывалась голова медведя с оскаленной в злобе пастью. Глубокий ров был заполнен водой, по которой мирно плавали гуси и утки. Через ров в крепость можно было попасть только по подъемному мосту, который приторочен был крепкими цепями к стойкам ворот, укрывая их от глаз прибывших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.